

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ СИНТАКСИСА И СТРОФИКИ

(на материале малых строфических форм)

Н.В. Патроева, А.В. Приображенский

В статье анализируется взаимосвязь между синтаксисом и композиционной организацией стихотворного текста на материале моностиха, дистиха и графически разделенных на одно-, дву- и трехстишия поэтических текстов малых жанров русской лирики XVIII – первой трети XIX в. Наблюдения показывают, что с ростом размера строфы увеличивается длина предложения, усложняется построение предложений: более трети структур в произведениях, разделенных на двустишия и трехстишия, являются полипредикативными. Моностихи и одностишия, как правило, представляют собой предложения с единственным грамматическим центром, но всегда сильно распространенные и / или осложненные. Только не более четверти двустиший и трехстиший тождественнострофических произведений разделяются на два и (редко) более предложений, при этом трехстишия оказываются синтаксически сложнее, что, возможно, связано с особенностями усложняющейся благодаря членению текста на нечетные строфы рифмовки. Двустишия – целые тексты строятся только на 30% как состоящие из одного монопредикативного предложения, демонстрируя синтаксическую многочастность высказывания и стремление автора в очень малую форму вместить сложное суждение. Дистихи строятся как безрифменные образования, однако единство строфы поддерживает совпадение границ строфы и предложения. Из метрических форм лишь 6-стопный ямб и силлабика демонстрируют большее тяготение к несовпадению синтаксического и строфического членения, тогда как преобладающей оказывается тенденция к симметрии построения: 1 строфа – 1 предложение. Трехстишия представляют собой лишенные четкой жанровой отнесенности тексты, двустишия характерны для эпиграмм и надписей, моностихи – обычно эпитафии, демонстрирующие так называемый «лапидарный слог».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтический синтаксис, синтаксический словарь, строфика, метрика, моностих, двустишие

ПАТРОЕВА Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета. nvpatr@list.ru

ПРИБРАЖЕНСКИЙ Андрей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Петрозаводского государственного университета. primlp47@list.ru

Цитирование: Патроева Н.В., Приображенский А.В. К вопросу взаимосвязи синтаксиса и строфики (на материале малых строфических форм) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 105–121. Режим доступа: www.tverlingua.ru

TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SYNTAX AND STROPHE PATTERN (based on the small strophic forms)

Natalya V. Patroeva, Andrey V. Priobrazhenskiy

The article examines the relationship between syntactic and compositional organization of the poetic text on the material of the monostichs, distichs and graphically divided into one-, two-verses and tercets in the poetic texts of small genres of Russian poetry of XVIII – first third XIX century. With the increase in size increases the length of the sentence in the stanza, becomes more complex sentence constructions: more than a third of the structures in the works, divided into two-verses and tercets, are polypredicative. Monostichs and one-verses, as a rule, sentences with one grammatical centre, but always very common and / or expanded. Not more than a quarter of two-verses and tercets divided into two or (rarely) more proposals, tercets is syntactically more complex, which is probably connected with the peculiarities of more complex rhyme because of the separation of text on odd-numbered stanzas. Two-verses – whole texts are based only on 30% consisting of one monopredicative proposals and demonstrating syntactic many parts statements and the desire of the author in a very minor form to accommodate complex statement. Distichs are constructed as education without rhyme, but the

unity of the stanza supports the coincidence of the boundaries of the stanzas and sentences. Only a metric of the form 6-stop pentameter and sillabica more attracted to a mismatch between syntactic and strophic divisions, while the dominant tendency to symmetry in the structure: 1 verse – 1 sentence. Tercets represent devoid of a clear genre of poetry, two-verses are presented by the epigrams and inscriptions, monostichs are usually epitaphs show the so-called "lapidary syllable".

KEY WORDS: poetic syntax, the syntactic dictionary, strophic division, metrics, monostich, distich

PATROEVA Natalya V. – DSc in Philology, Professor, Head of the Chair of Russian language of Petrozavodsk State University. nvpatr@list.ru

PRIOBRAZHENSKIY Andrey V. – candidate of Philology, docent the Chair of Russian language of Petrozavodsk State University. primlp47@list.ru

Citation: Patroeva N.V., Priobrazhenskiy A.V. To the question of the relationship between syntax and strophe pattern (based on the small strophic forms) // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 3. P. 105–121. Access mode: www.tverlingua.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

Вопрос о связи синтаксической организации со строфической либо астрофической композицией поэтического текста принадлежит пока к числу недостаточно исследованных: отдельные аспекты этой проблемы затрагивались, например, в связи с анализом ломоносовских од Ю.В. Стенником (Стеннин, 2010: 348-349), Вяч. Вс. Ивановым (Иванов, 2010: 361) и М.И. Шапиром (Шапир, 2010: 366-380). Выяснение такой связи, как представляется, возможно на пути подробного комплексного описания синтаксического построения стихотворных произведений в аспекте его соотношения с типом и границами строфы. Для нашей статьи мы выбрали

редкие для русской лирики конца XVIII – начала XIX века примеры моностихов и двустиший, а также графически разделенные на 1-, 2- и 3-стишия поэтические опыты Н. Карамзина, И. Дмитриева, В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова и некоторых других поэтов (всего 48 произведений), часть из которых уже стала предметом анализа в готовящемся к изданию «Синтаксическом словаре русской поэзии».

Тесная связь между размером строфы и ее синтаксическим наполнением представляется вполне очевидной, причем можно предположить, что с увеличением протяженности графически выделенного отрезка текста пропорционально усложняется и его синтаксическая структура. Однако в ходе синтаксической разметки стихотворений обнаружилось, что построение дистихов и разделенных на 2-стишия тождественнострофических текстов включает 43% монопредикативных структур, а состоящие из 3-стиший произведения только на 6% меньше. Моностихи между тем, как правило (в 90% случаев в нашем материале), являются предложениями с одним грамматическим центром. Подобная картина (см. *табл. 1-3*) распространенности простых и сложных предложений в малых строфических формах позволяет выдвинуть гипотезу, что на выбор синтаксемы оказывает влияние не только строфический фактор, но и рифменный, метрический, а также симметрия границ предложений и строф либо ее отсутствие.

Действительно, среди двустиший только пятая часть (20% строф) включают 2 предложения, а трехстишия чаще (26% строф) оказываются разделенными на две или более предикативных единицы, что позволяет разнообразить синтаксис строфы, а также несколько упростить его, сократить длину фразы. Вот лишь некоторые примеры таких 2- и 3-стиший:

А.Д. Кантемир. Эпиграммы. VI. Хроностическая на коронацию Петра II (1728)

ПЕТР ПРІя СВЫшЕ КРепКУ ВЛАСТЬ НА ЛЮДИ

Венчаньем. Творче, помощь крепка буди.

Н.М. Карамзин. Надпись к портрету жестокой (1795)

Любезна всем сердцам любезная моя;
А ей любезен кто?.. Не знаю, но — не я!

А.А. Дельвиг. Слезы любви (1829)

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли!
— Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блесним!

А.С. Пушкин. «В начале жизни школу помню я...» (1830)

Безвестных наслаждений темный голод

Меня терзал. Уныние и лень

Меня сковали — тщетно был я молод.

Единство строфы, таким образом, сильнее и чаще проявляется в области двустушиий.

С другой стороны, двустушия писались разнообразными по количеству стоп размерами: короткими (Я2, Я3), средними (Я4, Х4, Амф4) и длинными (Я6. Сил11, Сил13, Гекб+Пенб). При этом короткие и средние двусложники и трехсложники, а также элегический дистих строятся почти всегда на основе симметрии: 1 строфа – 1 предложение, например:

А.С. Пушкин. «Смеетесь вы, что девой бойкой...» (1825, Я4)

Смеетесь вы, что девой бойкой

Пленен я, милой полемойкой.

А.С. Пушкин. «Amour, exil...» (1828, Я2)

Amour, exil —

Какая гиль!

А.С. Пушкин. «Вези, вези, не жалея...» (1828, Х4)

Вези, вези, не жалея,

Со мной ехать веселей.

А.С. Пушкин. На перевод Илиады (1830, Гекб+Пенб=элегический дистих)

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;

Старца великого тень чую смущенной душой.

Напротив, Я6 и силлабика гораздо чаще допускают асимметрию объема строфы и предложения, поскольку за этими размерами не закреплен какой либо стилистический ореол: ими писались самые разные по «штилю» и жанру произведения, поэтому декламативная, напевная либо разговорная мелодика, а также само содержание произведения и жанр, разумеется, диктовали «перебои» ритма или его гладкость, монотонность. Сравним:

А.Д. Кантемир. Эпиграмма «Сатирик к читателю» (1729, Сил13)

Кольнул тя? молчи, ибо тя не именую;

Воплишь? Не я — ты выдал свою злобу злую.

Н.М. Карамзин. Два сравнения. 1 (1797, Я6м, АА)

Что наша жизнь? Роман. — Кто автор? Аноним.

Читаем по складам, смеемся, плачем... спим.

И.И. Дмитриев. Эпиграмма (1805, Я6)

Как! Рифмин жив еще и телом и душой?

А я уже сказал: ему и нам покой!

А.С. Пушкин. Эпиграмма «Лищинский околел -- отечеству беда!...»(1828, Я6)

Лищинский околел — отечеству беда!

Князь Сергей жив еще — утешьтесь, господа

– в эпиграммах и шуточных «мелочах», с одной стороны, и в лирической надписи – с другой:

И.И. Дмитриев. Надпись к Амуру (1798, Я6)

Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно;

А иначе навек несчастливо оно.

Метрика трехстиший гораздо менее разнообразна в нашем материале: средние Д4 и Д3, длинные Я5 и Я6, среди которых, как и в двустихиях, только последний часто допускает несовпадение границ строфы и предложения. Для сравнения:

Н.М. Карамзин. Кладбище (1792, ДНр:Д4+Д4+Д3)

Крепок сон мертвых, сладостен, кроток;

В гробе нет бури; нежные птички

Песнь на могиле поют.

А.С. Пушкин. «В начале жизни школу помню я...» (1830, Я5)

Меня смущала строгая краса

Ее чела, спокойных уст и взоров,

И полные святыни словеса.

А.С. Пушкин. «И дале мы пошли -- и страх обнял меня...» (1832, Я6)

И дале мы пошли — и страх обнял меня.

Бесенок, под себя поджав свое копыто,

Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,

И лопал на огне печеный ростовщик.

А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:

Одно стяжание имел всегда в предмете,

Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете.»

Тут грешник жареный протяжно возопил:

«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!

Сто на сто я терплю: процент невероятный!»

Тут звучно лопнул он — я взоры потупил...

Трехстишия демонстрируют еще одну синтаксическую и ритмическую особенность – несовпадение ритма развертывания предложения и строфы в позиции междустрофного переноса, например:

А.С. Пушкин. «И дале мы пошли -- и страх обнял меня...» (1832)

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, как Арарат, остра —
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями;
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами...

Асимметрия синтаксического и строфического членения может подчеркиваться отсутствием рифмования:

Н.И. Гнедич. Надпись к гробу Суворова (1832)

Ты ищешь монумента?..

Суворов здесь лежит.

Н.М. Карамзин. Кладбище (1792)

Один голос

Страшно в могиле, хладной и темной!

Ветры здесь воют, гробы трясутся,

Белые кости стучат.

Другой голос

Тихо в могиле, мягкой, покойной.

Ветры здесь веют; спящим прохладно;

Травки, цветочки растут.

Напротив, рифма помогает поддержать единство частей сложного предложения, занимающего 2 строфы:

П.А. Плетнев. Судьба (1823)

Сидит ли мощный царь беспечно на престоле,
Иль мчится по морю с заботою пловец,
Иль жадно славы ждет на ратном воин поле, —

Равно им близок всем погибельный конец —
И жертвы, избранной властительной судьбою,
Ни золото не спасет, ни храбрость, ни венец!

Напрасно, окружен ласкателей толпою,
Поверит счастью увенчанный Помпеи
Иль Цезарь, взявший власть победною рукою:

Им преждевременной погибели своей
На миг не отвратить. Как страж, во тьме сокрытый,
Она внезапно их постигнет среди честей.

Впрочем, отсутствие рифмы не мешает в 90% случаев быть синтаксически монолитным образованием «высокому» по своей стилистической окраске элегическому дистиху (Гекб+Пенб) и двустрочному вольному дактилю:

В.А. Жуковский. [Из альбома, подаренного графине Ростопчиной]
(1837)

I. Роза

Утро одно — и роза поблекла; напрасно, о дева,
Ищешь ее красоты; иглы одни ты найдешь.

VI.

Фидий, иль сам громовержец к тебе нисходил от Олимпа,
Или взлетал на Олимп сам ты его посетить.

М.Ю. Лермонтов. Дитя в люльке (Из Шиллера) (1829)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему: но дай время

Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

Моностих как своего рода «антистрофа» «наподобие минус-приема» (Федотов, 2002: 19) строится как длиннострочный 6-стопный ямб, по своим границам как распространенное и (часто) осложненное однородным рядом, обособленным оборотом либо обращением целостное предложение:

Н.М. Карамзин. [Из цикла эпитафий, 1792]

Покойся, милый прах, до радостного утра!

Д.И. Хвостов. Надгробие Королю Польскому (1804)

Се на чужом берегу кормило корабля!

Г.Р. Державин. «Надпись к портрету адмирала Федора Федоровича Ушакова»

Не раз он потрясал перунами Стамбул.

Особый ямбический ритм всякий раз создается инверсией главных и /или второстепенных членов предложения, иногда лексическим повтором, вставкой частиц и междометий, фразеологизированных элементов, а мелодика, как правило, эмоциональная. То же мы наблюдаем и в одностишиях, составляющих реплики героев лирической миниатюры:

И.И. Дмитриев. Прохожий и горлица (1791, Я4+Я6)

Прохожий

Что так печально ты воркуешь на кусточке?

Горлица

Тоскую по моем дружочке.

Прохожий

Неужель он тебе, неверный, изменил?

Горлица

Ах, нет! стрелок его убил.

Прохожий

Несчастливая! страшись и ты его руки!

Горлица

Что нужды! ведь умру ж с тоски.

«Единство и тесноту» (в терминах Ю. Н. Тынянова) стихотворного ряда внутри малой строфы подчеркивают лексические повторы и грамматический параллелизм соседних строк и строф:

Г.Р. Державин «На гроб князю Петру Михайловичу Голицыну»

Стой, Зависть, стой – и устыдись!

А.П. Сумароков. Эпиграмма (1759)

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.

Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

А.С. Пушкин. «И дале мы пошли -- и страх обнял меня...» (1832)

Всё — мраморные циркули и лиры,

Мечи и свитки в мраморных руках,

На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх

Мне на сердце; и слезы вдохновенья,

При виде их, рождались на глазах.

Трехстишия представляют собой лишённые четкой жанровой отнесенности тексты, двустишия характерны для эпиграмм и надписей, моностихи – обычно эпитафии, демонстрирующие так называемый

«лапидарный слог», свойственный «особой категории текстов, включающей надписи на надгробьях, монументах, иных... произведениях искусства» (Кузьмин, 2016: 105).

Итак, как показывает наш материал, с ростом размера строфы увеличивается длина предложения, усложняется построение предложений. Моностихи и одностишия, как правило, представляют собой структуры с единственным грамматическим центром, но всегда сильно распространенные и / или осложненные. Двустышия в редких с этим типом строфы тождественнострофических произведениях стремятся к синтаксической лаконичности (50-80% предложений в них являются простыми, но, как правило, осложненными обособленными оборотами и однородными рядами, ярко воплощающими сформулированный Т. И. Сильман главный принцип поэзии: «как можно короче и как можно полнее» (Сильман, 1967: 33). Если, однако, сопоставить графически расчлененные на двустышия стихотворения и рассматриваемые в качестве астрофических двустрочия – целые произведения, то среди последних не более 30% построены как монопредикативные высказывания у Кантемира, Карамзина, Дмитриева. Таким образом, стремление высказаться максимально лаконично обуславливает необходимость предикативного усложнения текста. Только не более четверти двустыший и трехстиший разделяются на два и (редко) более предложений, при этом трехстишия оказываются синтаксически сложнее, что, возможно, связано с особенностями усложняющейся благодаря членению текста на нечетные строфы рифмовки. Дистихи строятся как безрифменные образования, однако единство строфы поддерживает совпадение границ строфы и предложения. Из метрических форм лишь 6-стопный ямб и силлабика демонстрируют большее тяготение к несовпадению синтаксического и строфического членения, тогда как преобладающей оказывается тенденция к симметрии построения: 1 строфа – 1 предложение. Последующие наблюдения над синтаксисом и строфикой лирических произведений позволят, как мы надеемся, прочертить не лежащие на

поверхности, более глубокие связи между содержанием, жанром, грамматическим устройством, ритмикой, метрикой и композицией стихотворного текста.

Таблица 1. Синтаксис одностиший

Тип предложения	Н. М. Карамзин	И. И. Дмитриев	Г.Р. Державин	Д. И. Хвостов	А. С. Пушкин	ВСЕГО
НДП	0	2 (33,33%)	1 (50%)	1 (100%)		10 (90,9%)
ОДП	0	2 (33,33%)			1 (100%)	
НОП	0	1 (16,16%)				
ООП	1 (100%)		1 (50%)			
БССП	0					1 (9,1%)
БСПП	0					
ББСП	0	1 (16,16%)				
МССП	0					
МСПП	0					
МБСП	0					
МСПР ₃	0					
ВСЕГО	1 (100%)	6 (100%)	2 (100%)	1 (100%)	1 (100%)	11 (100%)

Принятые сокращения: НДП – неосложненное двусоставное предложение, ОДП – осложненное двусоставное предложение, НОП – неосложненное односоставное предложение, ООП – осложненное односоставное предложение, БССП – бинарное сложносочиненное предложение, БСПП – бинарное сложноподчиненное предложение, ББСП – бинарное бессоюзное сложное предложение, МССП – многокомпонентное сложносочиненное предложение, МСПП – многокомпонентное сложноподчиненное

предложение, МБСП – многокомпонентное бессоюзное сложное предложение, МСПР₃ – многокомпонентное сложное предложение с разными видами связи.

Таблица 2. Синтаксис двустийший

Тип предложения	А. Д. Кант емир	А. П. Сума роков	Н. М. Кара мзин	И. И. Дмит риев	Н. И. Гне дич	А. С. Пу шки н	М. Ю. Лерм онтов	А. А. Дел ьвиг	В.А. Жуко вский	ВС ЕГ О
НДП	2 (40%)	2 (40%)	8 (21,7%)	2 (13,3%)	2 (10,0%)	6 (18,6%)	2 (13,3%)	1 (50%)	2 (50%)	45 (39%)
ОДП		1 (20%)	1 (2,5%)	1 (6,7%)		3 (9,3%)		1 (50%)		
НОП			2 (5%)			1 (6,7%)				
ООП	1 (20%)		2 (5%)	2 (13,3%)		3 (9,3%)				
БССП			6 (15,8%)	4 (26,6%)		5 (15,5%)	2 (13,3%)	1 (25%)		
БСПП			3 (7,5%)	1 (6,7%)		3 (9,3%)	3 (20%)			69 (61%)
ББСП			6 (15,8%)	4 (26,6%)		9 (27,9%)				

МССП							2 (13,3%)			
МСПП										
МБСП			3 (7,5%)	1 (6,7%)		1 (3,1%)	2 (13,3%)			
МСПР з	2 (40%)	2 (40%)	3 (7,5%)			2 (6,3%)	3 (20%)		1 (25%)	
ВСЕГО	5 (100%)	5 (100%)	38 (100%)	15 (100%)	2 (100%)	32 (100%)	15 (100%)	2 (100%)	4 (100%)	114 (100%)

Таблица 3. Синтаксис трехстиший

Тип предложения	Н. М. Карамзин	А. С. Пушкин	П. А. Плетнев	<i>ВСЕГО</i>
НДП	2 (16,7%)	9 (25%)		21 (37,5%)
ОДП	0	7 (19,3%)	2 (25%)	
НОП	0			
ООП	1 (8,3%)			
БССП	0	5 (13,4%)		35 (62,5%)
БСПП	0		2 (25%)	
ББСП	6 (50%)	7 (19,3%)	2 (25%)	
МССП	0	1 (2,8%)		

МСПП	0			
МБСП	3 (25%)	2 (5,6%)		
МСПРз	0	5 (13,4%)	2 (25%)	
ВСЕГО	12 (100%)	36 (100%)	8 (100%)	56 (100%)

Ссылки – References in Russian

Иванов, 2010: 361 – *Иванов В.В.* Из наблюдений над одой XVIII века // Словарь языка М.В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 1. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 350–363.

Кузьмин, 2016: 105 – *Кузьмин Д.* Русский моностих: Очерк истории и теории. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Сильман, 1967: 33 – *Сильман Т.И.* Проблемы синтаксической стилистики. Л.: Просвещение, 1967.

Стеннин, 2010: 348-349 – *Стенник Ю.В.* Одическая строфа Ломоносова // Словарь языка М.В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 1. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 340–349.

Федотов, 2002: 19 – *Федотов О.И.* Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. Кн.2: Строфика. М.: Флинта: Наука, 2002.

Шапир, 2010: 366-380 – *Шапир М.И.* Ритм и синтаксис ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха) // Словарь языка М.В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 1. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 364–392.

References

Ivanov, V. (2010) From observations on the ode from the 18th century // *Language dictionary M.V. Lomonosov. Materials to the dictionary*, Issue 1, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 350–363 (in Russian).

Kuzmin, D. (2016) *The Russian monostich*. M., Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian).

Silman, T. (1967) *Problems of syntactic stylistics*, Leningrad, Prosveshchenie (in Russian).

Stennik, Yu. (2010) The odic strophe Lomonosov // *Language dictionary M.V. Lomonosov. Materials to the dictionary*, Issue 1, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 340–349 (in Russian).

Fedotov, O. (2002) *Fundamentals of Russian versification*, Book 1, Moscow, Flinta, Nauka Publ. (in Russian).

Shapir, M. (2010) The rhythm and syntax of Lomonosov ode // *Language dictionary M.V. Lomonosov. Materials to the dictionary*, Issue 1, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 364–392 (in Russian).